

ВЕСЬ ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

Александрийский шейх и его невольники

Александрийский шейх Али Бану был странным человеком. Когда он утром шел по городским улицам, обвитый чалмой из прекраснейшего кашемира, в праздничном платье и богатом поясе, стоившем пятьдесят верблюдов, когда он шел медленным, величественным шагом, мрачно наморщив лоб, нахмутив брови, опустив глаза и через каждые пять шагов задумчиво поглаживая свою длинную, черную бороду; когда он шел так в мечеть, чтобы читать верующим поучения о Коране, как этого требовал его сан, люди на улице останавливались, смотрели ему вслед и говорили друг другу: «Вот прекрасный, представительный человек». — «И богатый, богатый человек, — прибавлял, конечно, другой. — Ведь у него дворец в гавани Стамбула! Ведь у него поместья, поля, много тысяч голов скота и много рабов!» — «Да, — говорил третий, — и татарин, который недавно прислан к нему из Стамбула, от самого султана — да благословит его Пророк! — говорил мне, что наш шейх пользуется большим

уважением у рейс-эфенди¹, у капиджи-паши², у всех, даже у самого султана». — «Да, — восклицал четвертый, — его шаги благословенны! Он богатый, знатный человек, но... но... вы знаете, что я подразумеваю!» — «Да, да! — бормотали при этом другие. — Это правда, и у него есть свое горе, мы не хотели бы быть на его месте. Он богатый, знатный человек, но... но...»

У Али Бану был великолепный дом на самом красивом месте в Александрии. Перед домом была широкая терраса, обнесенная мраморной оградой и осененная пальмовыми деревьями. Там он по вечерам часто сидел и курил свой кальян. В это время двенадцать богато одетых рабов в почтительном отдалении ожидали его знака. Один нес его бетель, другой держал его зонтик от солнца, у третьего были сосуды из чистого золота, наполненные дорогим шербетом, четвертый держал опахало из павлиньих перьев, чтобы отгонять мух от господина, другие были певцами и держали лютни и духовые инструменты, чтобы усладить его музыкой, когда он требовал этого, а самый ученый из всех держал несколько свертков, чтобы

¹ Рейс-эфенди — министр иностранных дел.

² Капиджи-паша — начальник охраны сераля султана.

читать ему.

Но они напрасно ожидали его знака. Он не требовал ни музыки, ни пения, не хотел слушать изречения или стихотворения мудрых поэтов древних времен, не хотел ни пить шербет, ни жевать бетель. Даже раб с веером из павлиньих перьев напрасно трудился, потому что господин не замечал, если муха жужжа вилась около него.

Прохожие часто останавливались, удивлялись великолепию дома, богато одетым рабам и удобствам, которыми все было обставлено. Но взглянув затем на шейха, когда он так угрюмо и мрачно сидел под пальмами, устремив взор только на синеватые облачка своего кальяна, они качали головой и говорили:

«Право, этот богач — бедный человек. Он, у которого много, беднее того, у которого нет ничего, потому что Пророк не дал ему умения наслаждаться этим». Так говорили люди, смеялись над ним и шли дальше. Однажды вечером, когда шейх, окруженный всем земным блеском, опять сидел под пальмами перед дверью своего дома и печально и одиноко курил свой кальян, недалеко оттуда стояли несколько молодых людей. Они смотрели на него и смеялись.

— Право, — сказал один, — шейх Али Бану — глупец. Если бы я имел его сокровища, я употребил бы их иначе. Всякий день я проводил бы

роскошно и весело. Мои друзья обедали бы у меня в больших комнатах дома, и ликование и смех наполняли бы эти печальные залы.

— Да, — подхватил другой, — это было бы не так плохо, но много друзей расточат состояние, будь оно даже так велико, как у султана, да благословит его Пророк! А если бы я так сидел вечером под пальмами на этом прекрасном месте, то рабы у меня там пели бы и играли, пришли бы мои танцоры, танцевали бы, прыгали и представляли бы разные чудесные вещи. При этом я очень важно курил бы кальян, приказал бы подать мне дорогой шербет и наслаждался бы всем этим, как повелитель Багдада.

— Шейх, — сказал третий из этих молодых людей, который был писателем, — шейх, говорят, ученый и мудрый человек; и действительно, его поучения о Коране свидетельствуют о начитанности во всех поэтах и писателях мудрости. Но так ли, как это подобает разумному человеку, устроена и его жизнь? Там стоит раб с полной рукой свертков. Я отдал бы свое праздничное платье за то, чтобы прочесть только один из них, потому что это, наверно, редкие вещи. А он! Он сидит, курит и не обращает внимания на книги. Если бы я был шейхом Али Бану, слуга читал бы мне, пока не задохнулся бы или пока не наступила бы ночь. И даже тогда он еще читал бы мне, пока я

не заснул бы.

— А! Хорошо вы знаете, как устроить себе прекрасную жизнь, — засмеялся четвертый. — Есть и пить, петь и танцевать, читать изречения и слушать стихи жалких поэтов! Нет, я поступил бы совсем иначе! У шейха великолепнейшие лошади и верблюды и пропасть денег. На его месте я поехал бы, поехал бы на край света, и даже к москвитянам, даже к франкам. Ни одна дорога не была бы для меня слишком длинной, чтобы видеть великолепие света. Так я поступил бы, если бы был вот тем человеком!

— Молодость — прекрасное время и возраст, когда бываешь весел, — сказал старик невзрачного вида, стоявший около них и слышавший их речи. — Но позвольте мне сказать, что молодость также глупа и иногда болтает вздор, не зная, что делает.

— Что вы хотите сказать этим, старик? — удивленно спросили молодые люди. — Вы подразумеваете при этом нас? Какое вам дело, что мы порицаем образ жизни шейха?

— Если кто знает что-либо лучше другого, то пусть он по возможности исправит его ошибку — так хочет Пророк! — возразил старик. — Правда, шейх благословлен сокровищами и имеет все, чего желает сердце, но у него есть причина быть угрюмым и печальным. Вы думаете, он всегда был таким? Нет, я видел его еще пятнадцать лет тому

назад, когда он был бодрым и живым, как газель, жил весело и наслаждался своей жизнью. Тогда у него был сын, радость его дней, прекрасный и образованный, и кто видел его и слышал его разговор, должен был завидовать шейху в этом сокровище, потому что ему было только десять лет, и однако он был уже так учен, как другой едва в восемнадцать.

— И он у него умер? Бедный шейх! — воскликнул молодой писатель.

— Для шейха было бы утешением знать, что его сын отошел в жилища Пророка, где ему жилось бы лучше, чем здесь в Александрии. Но то, что ему пришлось испытать, гораздо хуже. То было время, когда франки, как голодные волки, пришли в нашу страну и стали воевать с нами³. Они одолели Александрию, отсюда пошли все дальше и дальше и начали войну с мамелюками. Шейх был умным человеком и умел хорошо ладить с ними. Но потому ли что они зарились на его сокровища, или потому что он помогал своим единоверным братьям — я не знаю этого точно — словом, однажды они пришли в его дом и стали обвинять его, что он тайно помогает мамелюкам оружием, лошадьми и съестными припасами. Он мог как угодно

³ Речь идет о походе Наполеона I в Египет (1799 г.).

доказывать свою невинность — ничто не помогло, потому что франки грубый, жестокосердный народ, когда дело идет о вымогательстве денег. Поэтому они взяли заложником в свой лагерь его молодого сына, которого звали Кайрам. Шейх предлагал им за него много денег, но они хотели заставить его предложить еще больше и не отпускали сына. Вдруг от их паши, или кто он был, им пришел приказ садиться на корабли. Никто в Александрии не знал об этом ни слова, и вдруг они очутились в открытом море, а маленького Кайрама, сына Али Бану, они, вероятно, утащили с собой, потому что о нем никогда уже больше ничего не слыхали.

— О, бедный человек! Как жестоко поразил его Аллах! — единодушно воскликнули молодые люди и с состраданием посмотрели на шейха, который печально и одиноко сидел под пальмами, окруженный великолепием.

— Его жена, которую он очень любил, умерла у него от горя по сыну. А сам он купил себе корабль, снарядил его и склонил франкского врача, который живет там внизу, у колодца, ехать с ним во Франкистан разыскивать пропавшего сына. Они сели на корабль, долгое время были в море и наконец приехали в страну тех гяуров ⁴, тех

⁴ Гяур — иноверец.

неверных, которые были в Александрии. Но там, говорят, как раз в это время происходили ужасные события. Они убили своего султана, паши, богатые и бедные отрубали друг другу головы, и в стране не было никакого порядка. Напрасно они в каждом городе искали маленького Кайрама — о нем никто не знал, и франкский доктор посоветовал наконец шейху уехать, потому что иначе, пожалуй, сами они могли лишиться своих голов.

Таким образом, они опять вернулись, и со времени своего приезда шейх стал жить так, как теперь, потому что грустит о своем сыне, и он прав. Не должен ли он думать, когда ест и пьет: «Может быть, теперь мой бедный Кайрам принужден голодать и жаждать?» И когда он одевается в богатые шали и праздничные одежды, как это подобает его сану и достоинству, не должен ли он думать: «Теперь он, пожалуй, не имеет чем прикрыть свою наготу?» И когда он окружен певцами, танцорами и чтецами, своими рабами, разве он не думает тогда: «Может быть, теперь мой бедный сын должен прыгать и играть перед своим франкским повелителем, когда он захочет этого?» А что причиняет ему величайшее горе — это мысль, что маленький Кайрам, находясь так далеко от страны своих отцов и среди неверных, которые

насмеваются над ним, изменит вере своих отцов, и ему нельзя будет обнять своего сына в райских садах! Поэтому он и ласков так со своими рабами и дает большие суммы на бедных. Ведь он думает, что Аллах вознаградит за это и тронет сердца франкских господ его сына, чтобы они обращались с ним ласково. И всякий раз, как наступает день, когда у него был отнят сын, он освобождает двенадцать рабов.

— Об этом я тоже уже слышал, — сказал писатель. — Но носятся странные слухи. О его сыне ничего не упоминалось, но, кажется, говорят, что шейх странный человек и совершенно особенно падок до рассказов. Говорят, что он каждый год устраивает между своими рабами состязание, и того, кто расскажет лучше всех, освобождает.

— Не очень полагайтесь на людские толки, — сказал старик. — Это происходит так, как я говорю, а я знаю это верно. Возможно, что в этот тяжелый день он хочет развеселиться и велит рассказывать ему истории, но рабов он освобождает ради своего сына. Однако вечер становится прохладным, и я должен идти дальше. Селям-aleyкум, да будет с вами мир, молодые люди, и в будущем лучше думайте о добром шейхе.

Молодые люди поблагодарили старика за его сообщения, еще раз посмотрели на печального отца и пошли вниз по улице, говоря друг другу: «Не

хотел бы я быть шейхом Али Бану».

Вскоре после того как эти молодые люди говорили со стариком о шейхе Али Бану случилось так, что они во время утренней молитвы шли опять по этой улице. Они вспомнили старика и его рассказ, все пожалели шейха и взглянули на его дом. Но как они изумились, увидав, что там все великолепнейшим образом украшено! С крыши, где гуляли наряженные рабыни, развевались флаги и знамена, зала дома была устлана прекрасными коврами, к ним примыкала шелковая материя, которая была постлана на широких ступенях лестницы, и даже на улице было постлано прекрасное тонкое сукно, которое иной пожелал бы себе на праздничную одежду или на покрывало для ног.

— Э, как же сильно переменялся шейх в немного дней! — сказал молодой писатель. — Он хочет дать пир? Хочет дать работу своим певцам и танцорам? Посмотрите на эти ковры! Есть ли у кого-нибудь в целой Александрии такие прекрасные! И это сукно на простом полу; право, жаль его!

— Знаешь, что я думаю? — сказал другой. — Он, наверно, принимает высокого гостя, ведь такие приготовления делают тогда, когда дом удостаивает своим посещением властитель великих стран или эфенди султана. Кто же сегодня может приехать

сюда?

— Посмотри-ка, не идет ли там внизу наш недавний старик! Э, он ведь все знает и, вероятно, может дать объяснение и относительно этого. Эй! Почтенный! Не подойдете ли вы немного к нам?

Так они крикнули, а старик заметил их знаки и подошел к ним, узнав в них тех молодых людей, с которыми говорил несколько дней тому назад. Они обратили его внимание на приготовления в доме шейха и спросили его, не знает ли он, какого же высокого гостя ожидают.

— Вы, может быть, думаете, — отвечал он, — что Али Бану празднует большой веселый праздник или его дом удостаивает посещением великий человек? Это не так, но сегодня, как вы знаете, двенадцатый день месяца рамадана, а в этот день его сына увели в лагерь франков.

— Клянусь бородой Пророка! — воскликнул один из молодых людей. — Ведь все это имеет вид свадьбы и торжества, а между тем это его знаменитый день печали. Как вы примирите это? Сознайтесь, шейх все-таки немного тронулся рассудком.

— Вы все еще так скоро судите, молодой друг? — спросил улыбаясь старик. — И на этот раз ваша стрела была, конечно, остра и резка, тетива вашего лука была туго натянута, а попали вы далеко не в цель. Знайте, что сегодня шейх ожидает

своего сына.

— Так он найден? — воскликнули юноши и обрадовались.

— Нет, и он, может быть, долго не найдется, но знайте: восемь или десять лет тому назад, когда шейх тоже однажды проводил этот день в печали и скорби, тоже освобождал рабов и кормил и поил много бедных, случилось так, что он велел подать кушанье и питье одному дервишу, который, устав и ослабев, лежал в тени этого дома. Дервиш был святым человеком и опытным в пророчествах и гадании по звездам. Подкрепленный ласковой рукой шейха, он подошел к нему и сказал: «Я знаю причину твоего горя; ведь сегодня двенадцатый день рамадана, и в этот день ты потерял своего сына? Но утешься, этот день печали будет для тебя торжественным днем; знай, когда-нибудь в этот день твой сын возвратится». Так сказал дервиш. Для каждого мусульманина было бы грехом сомневаться в словах такого человека. Хотя это и не облегчило скорби Али, однако он всегда в этот день ожидает возвращения сына и украшает свой дом, залу и лестницы, как будто сын может явиться каждый час.

— Удивительно! — воскликнул писатель. — А я хотел бы сам посмотреть, как все там великолепно приготовлено, как шейх сам грустит среди этой роскоши, а главное — хотел бы

послушать, как ему рассказывают его рабы.

— Нет ничего легче этого, — отвечал старик. — Надсмотрщик рабов этого дома — мой друг с давних лет и в этот день всегда дает мне местечко в зале, где среди толпы слуг и друзей шейха один человек незаметен. Я поговорю с ним, чтобы он пропустил вас; вас ведь только четверо, и это, пожалуй, можно устроить. Приходите в девятом часу на эту площадь, и я дам вам ответ.

Так сказал старик, а молодые люди поблагодарили его и удалились, исполненные желания увидеть, как все это произойдет.

К назначенному часу они пришли на площадь перед домом шейха и встретили там старика, который сказал им, что надсмотрщик рабов позволил ввести их. Старик пошел вперед, но не по богато украшенным лестницам и не через ворота, а через боковую калитку, которую тщательно опять запер. Потом он повел их через несколько коридоров, пока они не пришли в большую залу. Здесь со всех сторон была большая давка; там были богато одетые люди, знатные лица города и друзья шейха, которые пришли утешать его в горе. Были рабы всех видов и всех национальностей. Все имели грустный вид, потому что любили своего господина и огорчались вместе с ним. В конце залы, на богатом диване, сидели знатнейшие друзья Али, и рабы служили им. Около них на полу сидел шейх:

печаль о сыне не позволяла ему сидеть на праздничном ковре. Он подпирал рукой голову и, по-видимому, мало слушал утешения, которые ему нашептывали друзья. Напротив него сидели несколько старых и молодых людей в одежде рабов. Старик объяснил своим молодым друзьям, что это те рабы, которых в этот день Али Бану освобождает. Среди них были и франки, и старик особенно обратил внимание на одного из них, который был выдающейся красоты и еще очень молод. Шейх только за несколько дней до этого купил его за большую сумму у одного торговца рабами из Туниса и все-таки теперь же освобождал его, думая, что чем больше франков он возвратит в их отечество, тем раньше Пророк освободит его сына.

Когда везде подали прохладительное, шейх дал знак надсмотрщику рабов. Надсмотрщик встал, и в зале наступила глубокая тишина. Он подошел к рабам, которые отпускались на свободу, и сказал внятными голосом:

— Вы, которые сегодня будете свободны по милости моего господина Али Бану, шейха Александрии, поступите теперь по обычаю этого дня в его доме и начинайте рассказывать.

Они пошептались между собой. А затем заговорил один старый раб и стал рассказывать...

Карлик Нос

Господин! Совсем не правы люди, думающие, что феи и волшебники существовали только во времена Гаруна аль-Рашида, властелина Багдада, или даже утверждающие, что те повествования о деятельности духов и их повелителей, которые слышишь от рассказчиков на городских рынках, неверны. Феи существуют еще и теперь, и не так давно я сам был свидетелем одного происшествия, в котором явно участвовали духи, как я вам расскажу.

Много лет тому назад в одном значительном городе моего милого отечества, Германии, скромно и честно жил сапожник с женой. Днем он сидел на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Делал он, может быть, и новые, если это кто-нибудь доверял ему; но в таком случае он должен был сперва покупать кожу, так как был беден и не имел запасов. Его жена продавала овощи и фрукты, которые разводила в маленьком садике за городом, и многие охотно покупали у нее, потому что она была чисто и опрятно одета и умела красиво разложить и выставить свой товар.

У них был красивый мальчик, приятный лицом, хорошо сложенный и для своего восьмилетнего возраста уже довольно большой. Он обыкновенно сидел около матери на овощном

рынке, относил также домой часть плодов тем женщинам или поварам, которые много закупали у жены сапожника, и редко возвращался с такой прогулки без красивого цветка, монетки или пирога, потому что господам этих поваров было приятно видеть, когда приводили в дом красивого мальчика, и они всегда щедро одаривали его.

Однажды жена сапожника, по обыкновению, опять сидела на рынке; перед ней было несколько корзин с капустой и другими овощами, разные травы и семена, а также, в корзиночке поменьше, ранние груши, яблоки и абрикосы. Маленький Якоб — так звали мальчика — сидел около матери и звонким голосом выкрикивал товары: «Посмотрите, господа, сюда, какая прекрасная капуста, как душисты эти травы! Ранние груши, сударыни, ранние яблоки и абрикосы, кто купит? Моя матушка отдаст очень дешево!»

Так кричал мальчик.

В это время на рынок пришла одна старуха. Она имела немного оборванный вид, маленькое острое лицо, совершенно сморщенное от старости, красные глаза и острый кривой нос, касавшийся подбородка.

Шла она опираясь на длинную палку, и все-таки нельзя было сказать, как она шла, потому что она хромала, скользила и шаталась, как будто на ногах у нее были колеса и каждую минуту она

могла опрокинуться и упасть своим острым носом на мостовую.

Жена сапожника стала внимательно разглядывать эту женщину. Ведь уже шестнадцать лет, как она ежедневно сидела на рынке, и никогда она не замечала этой странной фигуры. Она невольно испугалась, когда старуха заковыляла к ней и остановилась у ее корзины.

— Вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

— Да, это я, — отвечала жена сапожника. — Вам что-нибудь угодно?

— Посмотрим, посмотрим! поглядим травки, поглядим травки! есть ли у тебя то, что мне нужно? — сказала старуха.

Она нагнулась к корзинам, влезла обеими темно-коричневыми отвратительными руками в корзину с травами, схватила своими длинными паукообразными пальцами так красиво и изящно разложенные травки, а потом стала подносить их одну за другой к длинному носу и обнюхивать. У жены сапожника почти защемило сердце, когда она увидела, что старуха так обращается с ее редкими травами, но она ничего не решилась сказать, — ведь покупатель имел право рассматривать товар, и, кроме того, она почувствовала перед этой женщиной непонятный страх.

Пересмотрев всю корзину, старуха пробормотала:

— Дрянь, дрянная зелень, из того, что я хочу, нет ничего. Пятьдесят лет тому назад было гораздо лучше. Дрянь, дрянь!

Такие слова рассердили маленького Якоба.

— Слушай, ты, бесстыжая старуха! — сердито закричал он. — Ты сперва лезешь своими гадкими коричневыми пальцами в прекрасные травы и мнешь их, потом держишь их у своего длинного носа, так что их никто больше не купит, кто видел это, а теперь ты еще бранишь наш товар дрянью; а ведь у нас все покупает даже повар герцога!

Старуха покосилась на смелого мальчика, противно засмеялась и сказала хриплым голосом:

— Сынок, сынок! Так тебе нравится мой нос, мой прекрасный, длинный нос? У тебя будет на лице такой же и до самого подбородка!

Говоря так, она скользнула к другой корзине, в которой была разложена капуста. Она брала в руку великолепнейшие белые кочны, сжимала их так, что они трещали, потом опять в беспорядке бросала их в корзину и говорила при этом:

— Дрянной товар, дрянная капуста!

— Только не раскачивай так гадко головой! — испуганно воскликнул малютка. — Ведь твоя шея тонка, как кочерыжка, она легко может переломиться, и твоя голова упадет в корзину. Кто

ж тогда захочет купить?

— Тебе не нравятся тонкие шеи, — со смехом пробормотала старуха. — У тебя совсем не будет шеи! Голова будет торчать в плечах, чтобы не упасть с маленького тельца!

— Не болтайте с маленьким таких ненужных вещей, — сказала наконец жена сапожника, рассерженная долгим перебиранием, рассматриванием и обнюхиванием. — Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь: ведь вы у меня отгоняете всех других покупателей.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — воскликнула старуха с злобным взглядом. — Я куплю у тебя эти шесть кочнов. Но посмотри, я должна опираться на палку и ничего не могу нести. Позволь своему сынку отнести товар ко мне на дом, я дам ему за это хорошую награду.

Малютка не хотел идти с ней и заплакал, боясь безобразной женщины, но мать строго приказала ему идти, считая, конечно, грехом взвалить эту ношу только на старую, слабую женщину. Чуть не плача он сделал, как она приказала, сложил кочны в платок и пошел за старухой по рынку.

Она шла не очень скоро, и понадобилось почти три четверти часа, пока они пришли в самую отдаленную часть города и остановились перед маленьким, ветхим домом. Там она вынула из

кармана старый заржавленный крючок, ловко всунула его в маленькую скважину в двери, и вдруг дверь щелкнув сразу отворилась. Но как поразился маленький Якоб, когда вошел! Внутренность дома была великолепно украшена, потолок и стены были из мрамора, мебель — из прекраснейшего черного дерева и выложена золотом и шлифованными камнями, а пол был из стекла и такой гладкий, что малютка несколько раз поскользнулся и упал. Старуха вынула из кармана серебряный свисток и засвистала на нем мелодию, которая звучно раздалась по дому. По лестнице тотчас же сошли несколько морских свинок. Якобу показалось очень странным, что они шли на двух ногах и вместо башмаков имели на лапах ореховые скорлупки. Они были одеты в человеческие одежды, и даже на головах у них были шляпы по новейшей моде.

— Где мои туфли, негодные твари? — закричала старуха и ударила их палкой, так что они с воем подпрыгнули. — Долго ли мне еще так стоять!

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и опять явились с парой скорлуп кокосового ореха, подбитых кожей, которые они ловко надели старухе на ноги.

Теперь у старухи прошла вся хромота и шатание в стороны. Она отбросила палку и стала очень быстро скользить по стеклянному полу,

увлекая с собой за руку маленького Якоба. Наконец она остановилась в комнате, уставленной разной мебелью и похожей на кухню, хотя столы из красного дерева и покрытые богатыми коврами диваны подходили скорее к парадной комнате.

— Сядь, сынок, — очень ласково сказала старуха, прижимая Якоба в угол дивана и ставя перед ним стол так, что он уже не мог выйти оттуда, — сядь, тебе было очень тяжело нести. Человеческие головы не так легки, не так легки!

— Сударыня, что за странности вы говорите? — воскликнул малютка. — Я, правда, устал, но ведь то были кочны, которые я нес. Вы их купили у моей матушки.

— Э, ты знаешь это неверно, — захохотала старуха, открыла крышку корзины и вынула человеческую голову, схватив ее за волосы.

Малютка был вне себя от ужаса, он не мог понять, как все это произошло, и подумал о своей матери. Если кто узнает что-нибудь об этих человеческих головах, подумал он про себя, то, наверно, мою матушку обвинят за это.

— Теперь надо дать и тебе что-нибудь в награду, за то что ты так послушен, — пробормотала старуха, — потерпи только минуточку, я накрошу тебе супцу, который ты будешь помнить всю жизнь.

Так она сказала и опять засвистела. Сперва

явилось много морских свинок в человеческих одеждах; на них были повязаны кухонные фартуки, а за поясом были половники и большие ножи. За ними прискакало множество белок; на них были широкие турецкие шаровары, и они ходили на задних лапах, а на голове имели зеленые бархатные шапочки. Это были, по-видимому, повара, потому что они очень проворно взбирались на стены, доставали сверху сковороды и блюда, яйца и масло, травы и муку и несли все это на плиту. А у плиты беспрестанно сновала старуха в своих туфлях из кокосовых скорлуп, и малютка видел, что она очень старается сварить ему что-то хорошее. Вот огонь затрещал сильнее, вот на сковороде задымилось и закипело, и в комнате распространился приятный запах. Старуха забегала взад и вперед, а белки и морские свинки — за ней. Проходя мимо плиты, она каждый раз совала свой длинный нос в горшок. Наконец кушанье закипело и зашипело, из горшка поднялся пар и на огонь полилась пена. Тогда она сняла горшок, налила из него в серебряную чашку и поставила ее перед маленьким Якобом.

— Вот, сынок, вот, — сказала она, — поешь только этого супчика — у тебя будет все, что тебе так понравилось у меня. Ты будешь и искусным поваром, чтобы тебе быть хоть чем-нибудь, но травки... нет, травки ты никогда не найдешь. Почему ее не было в корзине у твоей матери?

Малютка не вполне понял, что она сказала, и тем внимательнее занялся супом, который ему очень понравился. Мать приготавливала ему много вкусных кушаний, но такого хорошего у него еще ничего не было. От супа шел аромат тонких трав и корней; при этом суп был в одно и то же время сладок, кисловат и очень крепок. Между тем как Якоб еще доедал последние капли прекрасного кушанья, морские свинки закурили аравийский ладан, который понесся по комнате голубоватыми облаками. Эти облака делались все гуще и гуще и спускались вниз. Запах ладана подействовал на малютку усыпительно: он мог сколько угодно кричать, что ему нужно вернуться к матери, — очнувшись он опять погружался в дремоту и наконец действительно заснул на диване старухи.

Ему снились странные сны. Ему представлялось, что старуха снимает с него одежду и вместо нее обертывает его беличьей шкуркой. Теперь он мог прыгать и лазить, как белка; он жил вместе с остальными белками и морскими свинками, которые были очень учтивыми, воспитанными особами, и вместе с ними служил у старухи. Сперва им пользовались только для чистки обуви, то есть он должен был намазывать маслом кокосовые орехи, которые хозяйка носила вместо туфель, натирать их и делать блестящими. Так как в отцовском доме его часто приучали к подобным

занятиям, то это дело шло у него на лад. Спустя приблизительно год, снилось ему дальше, его стали употреблять для более тонкой работы: он вместе с еще несколькими белками должен был ловить пылинки и, когда их было достаточно, просеивать их через тончайшее волосяное сито. Дело в том, что хозяйка считала пылинки самым нежным веществом, и так как, не имея уже ни одного зуба, не могла хорошо разжевывать пищу, то велела готовить ей хлеб из пылинок.

Еще через год его перевели в слуги, собиравшие старухе воду для питья. Не подумайте, что она велела вырыть ей для этого бассейн или поставила на дворе кадку, чтобы собирать в нее дождевую воду, — это делалось гораздо хитрее: белки и Якоб должны были черпать ореховыми скорлупками росу с роз, и это было у старухи водой для питья. Так как она пила очень много, то у водоносов была тяжелая работа. Через год его назначили для внутренней службы в доме. У него была обязанность чистить полы, а так как они были из стекла, на котором видно было всякое дыхание, то это была не пустяшная работа. Слуги должны были чистить их щеткой, привязывать к ногам старое сукно и искусно ездить на нем по комнате. На четвертый год его перевели наконец на кухню. Это была почетная должность, которой можно было достигнуть только после долгого испытания. Якоб

прослужил в ней начиная с поваренка до первого пирожника и достиг такой необыкновенной ловкости во всем, что касается кухни, что часто должен был удивляться самому себе. Самым трудным вещам, паштетам из двухсот сортов эссенций, супам из зелени, составленным из всех травок на земле, всему он научился, все умел делать скоро и вкусно.

Так на службе у старухи прошло около семи лет, когда однажды, сняв кокосовые башмаки и взяв в руку корзину и костыль, чтобы уйти, она велела ему ощипать курочку, начинить ее травами и к ее возвращению хорошенько поджарить до коричневатого и желтого цвета. Он стал делать это по всем правилам искусства. Свернул курочке шею, обварил ее в горячей воде, ловко ощипал перья, потом соскоблил с нее кожу, так что она стала гладкой и нежной, и вынул из нее внутренности. Затем он стал собирать травы, которыми должен был начинить курочку. В кладовой для трав он на этот раз заметил в стене шкафчик, дверцы которого были полуоткрыты и которого прежде он никогда не замечал. Он с любопытством подошел ближе, чтобы посмотреть, что он содержит, — и что же, в нем стояло много корзиночек, от которых шел сильный, приятный аромат! Он открыл одну из этих корзиночек и нашел в ней травку совсем особенного вида и цвета. Стебель и листья были

сине-зелеными и имели наверху маленький цветок огненно-красного цвета с желтой каемкой. Якоб в раздумье стал рассматривать этот цветок и понюхал его. Цветок издавал тот же самый крепкий запах, которым некогда пахнул суп, сваренный ему старухой. Но запах был так силен, что Якоб стал чихать, должен был чихать все сильнее и чихая наконец проснулся.

Он лежал на диване старухи и с удивлением смотрел вокруг. «Нет, но как живо можно видеть во сне! — сказал он сам себе. — Ведь теперь я готов бы поклясться, что был презренной белкой, товарищем морских свинок и другой гадости, но при этом стал великим поваром. Как будет смеяться матушка, когда я все расскажу ей! Однако не будет ли она также бранить, что я засыпаю в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями он вскочил, чтобы уйти. Его тело было еще совсем онемевшим от сна, особенно затылок, потому что он не мог хорошо поворачивать голову. Он должен был даже посмеяться над собой, что он такой сонный, потому что, прежде чем осмотрелся, он ежеминутно натыкался носом на шкаф или на стену или ударялся им о косяк двери, если быстро оборачивался. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто хотели проводить его; он и действительно пригласил их с собой, когда был на пороге, потому что это были хорошенькие

зверьки, но они, в своих ореховых скорлупках, быстро вернулись в дом, и он только вдали слышал их вой.

Та часть города, куда его завела старуха, была довольно отдаленной, и он едва смог выбраться из узких переулков. При этом там была большая давка, потому что, как ему показалось, должно быть, как раз вблизи показывали карлика. Он везде слышал восклицания: «Эй, посмотрите на уродливого карлика! Откуда явился этот карлик? Эй, что за длинный нос у него, как у него торчит из плеч голова! А руки, бурые, безобразные руки!» В другое время он, пожалуй, тоже побежал бы, потому что очень любил смотреть великанов, карликов или редкие иноземные одежды, но теперь он должен был торопиться прийти к матери.

Когда он пришел на рынок, ему сделалось совсем жутко. Мать еще сидела там и имела в корзине довольно много плодов; следовательно, он не мог долго проспять. Но ему уже издали показалось, что она очень печальна, потому что она не зазывала прохожих купить у нее, а подпирала голову рукой, и когда он подошел ближе, ему показалось также, что она бледнее обыкновенного. Он был в нерешимости, что ему делать; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил свою ладонь на ее руку и сказал:

— Мамочка, что с тобой? Ты сердишься на

меня?

Женщина обернулась к нему, но с криком ужаса отшатнулась.

— Что тебе надо от меня, мерзкий карлик? — воскликнула она. — Прочь, прочь! Я терпеть не могу подобных шуток!

— Матушка, что же это с тобой? — спросил совсем испуганный Якоб. — Тебе, верно, неможется; почему же ты гонишь от себя своего сына?

— Я тебе уже сказала, убирайся прочь! — сердито возразила Ханна. — У меня ты ни гроша не получишь за свое ломанье, мерзкий урод!

«Право, Бог отнял у нее свет разума! — сказал сам себе огорченный малютка. — Что только мне сделать, чтобы привести ее в себя?»

— Милая матушка, будь же благоразумна. Посмотри только на меня хорошенько — ведь я твой сын, твой Якоб!

— Нет, теперь эта шутка становится слишком наглой! — крикнула Ханна своей соседке. — Посмотрите только на этого уродливого карлика! Вот он стоит, наверно отгоняет у меня всех покупателей и смеет издеваться над моим несчастьем. Он говорит мне: «ведь я твой сын, твой Якоб», нахал!

Тогда соседки поднялись и стали так сильно ругаться, как только могли, а это торговки, вы

хорошо знаете, умеют.

Они ругали его, что он насмехается над несчастьем бедной Ханны, у которой семь лет тому назад украли ее красивого мальчика, и грозили все вместе накинуться на него и исцарапать его, если он тотчас не уйдет.

Бедный Якоб не знал, что ему думать о всем этом. Ведь сегодня утром, как ему казалось, он по обыкновению пошел с матерью на рынок, помог ей разложить плоды, потом пришел со старухой в ее дом, поел супа, немного соснул и теперь опять здесь; а однако матушка и соседки говорили о семи годах! И они называли его гадким карликом! Что же теперь произошло с ним?

Когда он увидел, что мать совсем уж не хочет слышать о нем, на глазах у него выступили слезы и он печально пошел вниз по улице к лавке, где его отец целый день чинил башмаки. «Посмотрю, — думал он про себя, — так же ли он не узнает меня; я стану у двери и заговорю с ним». Подойдя к лавке сапожника он стал у двери и заглянул в лавку. Мастер был так усердно занят своей работой, что совсем не видал его, но случайно бросив один раз взгляд на дверь, он уронил на землю башмаки, дратву и шило и с ужасом воскликнул:

— Боже мой, что это, что это!

— Добрый вечер, мастер! — сказал малютка, совсем входя в лавку. — Как ваши дела?

— Плохо, плохо, маленький барин! — отвечал отец, к большому изумлению Якоба; ведь, по-видимому, он его тоже не узнал. — Дело у меня не клеится. Хотя я один и теперь становлюсь стар, а все-таки подмастерье для меня слишком дорог.

— А разве у вас нет сынка, который мог бы мало-помалу помогать вам в работе? — продолжал спрашивать малютка.

— У меня был сын, его звали Якобом, и теперь он должен бы быть стройным, ловким двадцатилетним молодцом, который славно помогал бы мне. Ах, вот была бы жизнь! Уже когда ему было двенадцать лет, он показывал себя таким способным и ловким и уже многое понимал в ремесле, был также красив и мил; он привлекал бы ко мне заказчиков, так что я скоро уже не занимался бы починкой, а поставлял бы только новое! Но так всегда бывает на свете!

— А где же ваш сын? — дрожащим голосом спросил Якоб у своего отца.

— Это знает только Бог, — отвечал он. — Семь лет тому назад, да, теперь это уже так давно, его с рынка украли у нас.

— Семь лет тому назад? — с ужасом воскликнул Якоб.

— Да, маленький барин, семь лет тому назад! Я еще как сегодня помню, как моя жена пришла домой с воем и криком, что ребенок целый день не

возвращался, что она везде спрашивала, искала и не нашла его. Я всегда думал и говорил, что это так и случится. Jakob, надо сказать, был красивым ребенком. Так вот моя жена гордилась им, любила видеть, когда люди хвалили его, и часто посылала его в богатые дома с овощами и тому подобным. Это было, положим, хорошо: его каждый раз щедро одаривали, но, говорил я, смотри — город велик, много дурных людей живет в нем, смотри у меня за Jakobом! И случилось так, как я говорил. Однажды на рынок приходит старая, безобразная женщина, покупает плоды и овощи и наконец покупает столько, что сама не может унести. Моя жена, как сострадательная душа, дает ей с собой мальчика и — до сих пор его уж не видала.

— И этому теперь семь лет, вы говорите?

— Семь лет будет весной. Мы объявляли о нем, мы ходили из дома в дом и спрашивали. Многие знали красивого мальчика, любили его и теперь искали вместе с нами — все напрасно. Никто не знал даже имени женщины, которая покупала овощи, а одна старуха, прожившая уже девяносто лет, сказала, что это была, вероятно, злая фея Травница, которая раз в пятьдесят лет приходит в город закупать себе всякие травы.

Так говорил отец Якоба и при этом сильно стучал по своим башмакам и обоими кулаками далеко вытягивал дратву. А малютке мало-помалу

стало ясно то, что произошло с ним: он видел не сон, а семь лет прослужил белкой у злой феи. Его сердце так наполнилось гневом и скорбью, что чуть не разрывалось. Старуха похитила у него семь лет его молодости, а что у него было взамен этого? Разве что он умел хорошо чистить туфли из кокосовых орехов, умел убирать комнату со стеклянными полами? Научился от морских свинок всем тайнам кухни?

Так он простоял несколько времени, размышляя о своей судьбе, когда наконец отец спросил его:

— Может быть, вам угодно что-нибудь из моей работы, молодой барин? Например, пару новых туфель или, — прибавил он улыбаясь, — может быть, футляр для вашего носа?

— Что вам до моего носа? — сказал Якоб. — Зачем же мне нужен для него футляр?

— Ну, — возразил сапожник, — у всякого свой вкус, но должен сказать вам, что если бы у меня был этот ужасный нос, я заказал бы себе для него футляр из розовой, лаковой кожи. Смотрите, вот у меня под рукой прекрасный кусочек; конечно, для этого потребовалось бы по крайней мере локоть. Но как хорошо он предохранял бы вас, маленький барин! Я вполне уверен, что так вы натыкаетесь на каждый косяк, на каждую повозку, от которой хотите посторониться.

Малютка стоял, онемев от ужаса. Он стал ощупывать свой нос: нос был толст и длинной, вероятно, в две ладони! Таким образом, старуха изменила и его наружность, — поэтому-то мать и не узнала его, поэтому его и называли безобразным карликом!

— Мастер! — сказал он сапожнику чуть не плача. — Нет ли у вас под рукой зеркала, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой барин, — серьезно отвечал отец, — вы получили совсем не такую наружность, которая могла бы сделать вас тщеславным, и у вас нет причины ежеминутно глядеть в зеркало. Отвыкайте от этого, это, особенно у вас, — смешная привычка.

— Ах, так дайте мне все-таки посмотреть в зеркало, — воскликнул малютка, — уверяю, это не из тщеславия!

— Оставьте меня в покое, у меня нет зеркала! У моей жены есть зеркальце, но я не знаю, где она его спрятала. А если вам непременно нужно посмотреть в зеркало, то через улицу живет цирюльник Урбан, у него есть зеркало вдвое больше вашей головы. Посмотрите там в него, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и опять сел за работу.

А малютка, очень огорченный, пошел через улицу к цирюльнику Урбану, которого хорошо знал еще по прежнему времени.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришел просить вас об одном одолжении. Будьте так добры и позвольте мне немного посмотреть в ваше зеркало.

— С удовольствием, вон оно стоит! — со смехом воскликнул цирюльник, а его посетители, которым он должен был брить бороды, тоже громко засмеялись. — Вы красивый малый, стройный и тонкий, шейка как у лебедя, ручки как у королевы, и вздернутый носик, красивее которого нельзя видеть. Правда, поэтому вы немного тщеславны, но все-таки посмотрите на себя; пусть обо мне не говорят, что я из зависти не дал вам смотреть в мое зеркало.

Так сказал цирюльник, и цирюльню огласил смех, похожий на ржание. А малютка между тем встал перед зеркалом и посмотрел на себя. На глазах у него выступили слезы.

«Да, таким ты, конечно, не могла узнать своего Якоба, милая матушка, — сказал он сам себе. — Он имел не такой вид в те счастливые дни, когда ты любила гордиться им перед людьми!»

Его глаза сделались маленькими, как у свиньи, нос стал огромным и свешивался ниже рта и подбородка, шея была как будто совершенно

отнята, потому что голова сидела глубоко в плечах, и только с очень сильной болью он мог поворачивать ее направо и налево. Его тело было еще таким же, как семь лет тому назад, когда ему было двенадцать лет, но тогда как другие с двенадцатого до двадцатого года растут в вышину, он рос в ширину, спина и грудь сильно выгнулись и имели вид маленького, но очень туго набитого мешка. Это толстое туловище сидело на маленьких, слабых ножках, которые, казалось, выросли не для этой тяжести. Зато тем больше были руки, висевшие на его туловище. Они были величиной, как у вполне взрослого человека, кисти рук были грубы и буро-желтого цвета, пальцы длинные и паукообразны, и когда он совершенно вытягивал их, то мог не нагибаясь доставать ими до земли.

Такой вид имел маленький Якоб — он превратился в уродливого карлика!

Теперь он вспомнил и то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, что он тогда ругал в ней, длинный нос, безобразные пальцы, все она приворожила ему, кроме только длинной дрожащей шеи.

— Ну, принц, теперь вы вдоволь нагляделись? — сказал цирюльник, подходя к нему и со смехом осматривая его. — Право, если бы захотелось увидеть во сне что-нибудь подобное, такого смешного никому не могло бы

представиться. Однако я хочу сделать вам одно предложение, маленький человек. Хотя мою цирюльню хорошо посещают, но все же с недавнего времени не так, как я желаю. Это происходит потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, где-то разыскал великана, который у него приманивает в дом посетителей. Ну, быть великаном совсем не штука, а таким человечком, как вы, — да, это уж другое дело! Поступайте ко мне на службу, маленький человек. У вас будет квартира, еда, питье, одежда, у вас будет все. За это вы будете становиться утром у моих дверей и приглашать публику заходить, вы будете взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и будьте уверены, что при этом нам обоим будет хорошо! У меня будет больше посетителей, чем у того цирюльника с великаном, и каждый охотно даст вам еще на чай.

Малютка внутренне был возмущен предложением служить для цирюльника приманкой. Но разве он не должен был терпеливо перенести это оскорбление? Поэтому он совершенно спокойно сказал цирюльнику, что для такой службы у него нет времени, и пошел дальше.

Хотя злая старуха изуродовала его наружность, однако она ничего не могла сделать с его рассудком.

Это он хорошо сознавал, ведь он думал и

чувствовал уже не так, как семь лет тому назад, нет, ему казалось, что в этот промежуток времени он стал умнее, рассудительнее. Он горевал не о своей утраченной красоте, не об этой уродливой наружности, а только о том, что его, как собаку, гонят от отцовской двери. Поэтому он решил сделать у матери еще одну, последнюю попытку.

Он пошел к ней на рынок и попросил ее спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда он пошел со старухой, напомнил ей о всех отдельных случаях своего детства, потом рассказал ей, как он семь лет прослужил у феи белкой и как она превратила его, потому что тогда он бранил ее. Жена сапожника не знала, что ей думать. Все, что он рассказывал ей о своем детстве, было верно, но когда он стал говорить о том, что в течение семи лет был белкой, она сказала:

— Это невозможно и фей не существует!

Когда же она взглянула на него, то почувствовала отвращение к уродливому карлику и не поверила, чтобы это мог быть ее сын. Наконец она сочла самым лучшим поговорить об этом с мужем. Поэтому она собрала свои корзины и велела ему идти с ней. Вот они пришли к лавке сапожника.

— Посмотри-ка, — сказала она ему, — вот этот человек уверяет, что он наш пропавший Якоб. Он рассказал мне все: как его семь лет тому назад украли у нас и как его заколдовала фея.

— Как? — с гневом прервал ее сапожник. — Это он рассказал тебе? Постой, негодяй! Только час тому назад я все рассказал ему, а теперь он идет дурачить тебя этим! Ты заколдован, сынок? Постой же, я тебя опять расколдую!

При этом он взял пучок только что нарезанных им ремней, подскочил к малютке и ударил его по горбатой спине и по длинным рукам, так что малютка закричал от боли и с плачем убежал.

В том городе, как везде, было мало сострадательных душ, которые помогли бы несчастному, имевшему притом что-то смешное в наружности. Поэтому случилось так, что несчастный карлик целый день оставался без пищи и питья и вечером должен был выбрать для ночлега церковную паперть, как ни холодна и жестка она была.

Когда же на другое утро его разбудили первые лучи солнца, он стал серьезно раздумывать о том, как ему влачить свою жизнь, потому что отец и мать прогнали его. Он чувствовал себя слишком гордым, чтобы служить вывеской цирюльника, он не хотел наняться к фокуснику и показывать себя за деньги. Что же он должен был делать? Тогда ему вдруг пришло в голову, что будучи белкой он сделал большие успехи в поварском искусстве. Ему не без основания казалось, что он может надеяться

поспорить со многими поварами, и он решил воспользоваться своим искусством.

Поэтому, как только на улицах стало оживленнее и утро вполне наступило, он вошел сперва в церковь и помолился, а затем отправился в путь. Герцог, государь той страны, был известным кутилой и лакомкой, любившим хороший стол и разыскивавшим своих поваров во всех частях света. Малютка отправился к его дворцу. Когда он подошел к наружным воротам, привратники спросили, что ему нужно, и стали насмехаться над ним. Он же спросил главного смотрителя кухни. Они засмеялись и повели его через передние дворы; везде, куда он приходил, слуги останавливались, смотрели ему вслед, громко смеялись и присоединялись, так что мало-помалу вверх по лестнице дворца двигался уже огромный хвост всевозможных слуг. Конюхи побросали свои скребницы, гонцы побежали, как только могли, полотеры забыли выколачивать ковры; все толпились и стремились, была такая давка, как будто у ворот был враг, и крик: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» наполнял воздух.

Вот в дверях показался смотритель дома с сердитым лицом и огромной плетью в руке.

— Ради самого неба, собаки, что вы поднимаете такой шум! Не знаете вы, что государь еще спит?

При этом он взмахнул бичом и довольно грубо опустил его на спины некоторых конюхов и привратников.

— Ах, господин! — воскликнули они. — Разве вы не видите! Вот мы ведем карлика, карлика, какого вы еще не видали!

Увидав малютку, смотритель дворца с трудом удержался от громкого смеха, боясь повредить им своему достоинству. Поэтому он прогнал остальных плетью, отвел малютку в дом и спросил, что ему нужно. Услыхав, что карлик хочет к смотрителю кухни, он возразил:

— Ты ошибаешься, сынок! Ты хочешь ко мне, смотрителю дома. Ты хочешь быть у герцога лейб-карликом, не так ли?

— Нет, господин! — отвечал карлик. — Я искусный повар и опытен в разных редких кушаньях. Отведите меня, пожалуйста, к главному смотрителю кухни; может быть, ему понадобится мое искусство.

— У всякого свое желание, маленький человек! Впрочем, ты все-таки нерассудительный малый. В кухню! Как у лейб-карлика у тебя не было бы работы, а еды и питья — сколько душе угодно, а еще красивые одежды. Однако посмотрим, едва ли твое поварское искусство ушло так далеко, как нужно главному повару государя, а для поваренка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в комнаты главного смотрителя кухни.

— Милостивый государь! — сказал там карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра на полу. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель кухни оглядел его с головы до ног, потом разразился громким смехом и воскликнул:

— Как? Ты повар? Ты думаешь, наши плиты так низки, что ты можешь заглянуть хоть на одну, если встанешь на цыпочки и хорошенько вытянешь голову из плеч? О, милый крошка! Кто послал тебя ко мне, чтобы наняться в повара, тот одурачил тебя!

Так сказал главный смотритель кухни и громко засмеялся, а вместе с ним засмеялся смотритель дворца и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Что стоит одно или два яйца, немного сиропа и вина, муки и приправ в доме, где этого вдоволь? — сказал он. — Задайте мне приготовить какое-нибудь лакомое кушанье, принесите, что нужно для него, и оно на ваших глазах быстро будет готово, а вы должны будете сказать: да, он повар по всем правилам искусства!

Такие и подобные речи повел малютка, и странно было смотреть, как сверкали при этом его маленькие глазки, как извивался туда и сюда его

длинный нос, а его тонкие паукообразные пальцы вторили его речи.

— Хорошо! — воскликнул смотритель кухни и взял смотрителя дворца под руку. — Хорошо, шутки ради пусть будет так. Пойдемте на кухню!

Они прошли несколько зал и коридоров и наконец пришли на кухню. Это было большое, просторное здание, великолепно устроенное. На двадцати плитах постоянно горел огонь, чистая вода, служившая в то же время для рыбного садка, протекала посреди них. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были расставлены припасы, которые всегда нужно иметь под рукой, а направо и налево было десять зал, и в них было сложено все, что можно найти дорогого и лакомого для гастронома во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Разная кухонная прислуга суетилась, стучала и гремела котлами и сковородами, вилками и половниками, но когда в кухню вошел главный смотритель, все они неподвижно остановились, и слышен был только треск огня и журчание ручейка.

— Что приказал государь сегодня к завтраку? — спросил он первого старого повара, приготавливавшего завтраки.

— Господин, он изволил приказать датский суп и красные гамбургские клецки!

— Хорошо, — сказал смотритель кухни дальше. — Ты слышал, что хочет государь кушать?

Возьмешься ли ты приготовить эти трудные кушанья? Клецок ты ни в каком случае не сделаешь, это секрет.

— Нет ничего легче этого, — отвечал ко всеобщему изумлению карлик, который белкой часто делал эти кушанья. — Нет ничего легче! Дайте мне для супа таких-то и таких-то трав, тех и этих пряностей, жира дикой свиньи, корней и яиц; а для клецок, — сказал он тише, так что это могли слышать только смотритель кухни и повар, приготавливавший завтраки, — для клецок мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиного сала, имбиря и одной травки, которая называется «радостью для желудка».

— Ба! Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты учился? — с изумлением воскликнул повар. — Он сказал все до последней капли, а о такой травке мы даже и не знали; да, она должна сделать клецки еще вкуснее. О, ты — чудо-повар!

— Этого я и не подумал бы, — сказал главный смотритель кухни, — однако дадим ему сделать пробу. Дайте ему вещи и посуду, которые он просит, и пусть он приготовит завтрак.

Сделали так, как он велел, и все приготовили на плите; но тогда оказалось, что карлик едва мог достать до плиты носом. Поэтому составили несколько стульев, положили на них мраморную

доску и пригласили маленького удивительного человека начинать свой фокус. Повара, поварята, слуги и разный народ обступили его большим кругом, смотрели и изумлялись, как у него в руках все шло проворно и ловко, как он приготавливал все так чисто и изящно. Окончив приготовления, он велел поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не крикнет. Потом он стал считать «раз, два, три» и так дальше, а как только сосчитал до пятисот, воскликнул: «Стой!» Горшки были сняты, и малютка пригласил зрителя кухни попробовать.

Главный повар велел поваренку подать ему золотую ложку, ополоснул ее в ручье и передал главному зрителю кухни; последний с торжественным видом подошел к плите, взял кушанье, попробовал, зажмурил глаза, щелкнул от удовольствия языком и затем сказал:

— Превосходно, клянусь жизнью герцога, превосходно! Не хотите ли вы тоже отведать ложечку, зритель дворца?

Зритель дворца поклонился, взял ложку, попробовал и был вне себя от удовольствия и радости.

— Ваше искусство почтенно, любезный приготовитель завтраков, вы опытный повар, но так превосходно вы не могли сделать ни суп, ни гамбургские клецки!

Тогда попробовал и повар, затем почтительно потряс карлику руку и сказал:

— Малыш! Ты мастер своего искусства! Да, травка «радость для желудка» придает всему совсем особенную прелесть.

В эту минуту в кухню пришел камердинер герцога и объявил, что государь спрашивает завтрак. Тогда кушанья были положены на серебряные подносы и посланы герцогу, а главный смотритель кухни взял малютку в свою комнату и стал беседовать с ним. Но едва они пробыли там половину того времени, в которое говорят «Отче наш» (это молитва франков, господин, и она короче половины молитвы правоверных), как от герцога уже явился посланный и позвал главного смотрителя кухни к государю. Смотритель быстро оделся в свое праздничное платье и последовал за посланным.

Герцог имел очень веселый вид. Он съел все, что было на серебряных подносах, и только что утер себе бороду, как к нему вошел главный смотритель кухни.

— Послушай, смотритель кухни, — сказал герцог, — я до сих пор всегда был очень доволен твоими поварами, но скажи мне — кто сегодня приготавливал мой завтрак! С тех пор как я сижу на троне своих отцов, он никогда не был таким превосходным! Говори, как звать этого повара,

чтобы нам послать ему в подарок несколько червонцев.

— Государь! Это удивительная история, — отвечал главный смотритель кухни и подробно рассказал, как сегодня утром к нему привели какого-то карлика, который непременно хотел сделаться поваром, и как все это произошло.

Герцог очень удивился, велел позвать к нему карлика и стал расспрашивать его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, конечно, сказать, что был заколдован и раньше служил белкой. Однако он не утаил правды, рассказав, что теперь у него нет отца и матери и что стряпать он научился у одной старой женщины. Герцог не стал спрашивать дальше; его забавляла странная наружность нового повара.

— Если останешься у меня, — сказал он, — то я велю ежегодно давать тебе пятьдесят червонцев, праздничное платье и еще, сверх того, две пары шаровар. А за это ты должен ежедневно сам готовить мой завтрак, должен показывать, как нужно готовить обед, и вообще заведовать моей кухней. Так как каждый в моем дворце получает от меня особое имя, то ты будешь называться Носом и будешь облечен званием помощника смотрителя кухни.

Карлик Нос упал ниц перед могущественным герцогом земли франков, целовал ему ноги и обещал верно служить.

Таким образом, теперь малютка на первое время был пристроен, и он сделал честь своему месту. Ведь можно сказать, что герцог был совсем другим человеком, пока в его доме жил карлик Нос. Прежде он часто изволил бросать в голову поварам блюда или подносы, которые ему подавали; мало того, однажды в гневе он так сильно бросил в лоб самому главному смотрителю кухни жареную телячью ногу, которая была недостаточно мягка, что тот упал и должен был три дня пролежать в постели. Хотя несколькими горстями червонцев герцог исправил сделанное в гневе, но все-таки повар никогда не приходил к нему с кушаньями без страха и трепета. С тех пор как в доме был карлик, все казалось превращенным, как по волшебству. Теперь государь вместо трех раз кушал пять раз в день, чтобы вполне насладиться искусством своего самого маленького слуги, и все-таки никогда не показывал гневного выражения. Нет, он все находил новым, превосходным, был снисходителен и любезен и толстел со дня на день.

Среди обеда он часто приказывал позвать смотрителя кухни и карлика Носа, сажал к себе одного направо, другого налево и своими собственными пальцами совал им в рот несколько кусков превосходных кушаний — милость, которую оба они умели хорошо ценить.

Карлик был чудом города. У главного

смотрителя кухни неотступно просили позволения посмотреть, как карлик готовит, и некоторые из знатнейших лиц добились у герцога того, что их слуги могли пользоваться у карлика на кухне уроками, что приносило ему немало денег, так как каждый ежедневно платил полчервонца. А чтобы пользоваться хорошим расположением у остальных поваров и не возбуждать их зависти к себе, Нос предоставлял им деньги, которые господа должны были платить за обучение своих поваров.

Так, в наружном довольстве и почете Нос прожил почти два года, и его огорчала только мысль о родителях. Так он жил, не испытывая ничего замечательного, пока не произошел следующий случай. Карлик Нос был особенно искусен и счастлив в своих покупках. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он всегда сам ходил на рынок закупать дичь и овощи. Однажды утром он пошел на гусиный рынок и стал искать тяжелых, жирных гусей, каких любил государь. Осматривая товар, он уже несколько раз прошел взад и вперед. Его фигура, совсем не возбуждая здесь смеха и шуток, внушала уважение. Ведь его, как знаменитого придворного повара герцога, признали, и каждая торговка гусями чувствовала себя счастливой, когда он поворачивал к ней свой нос.

Вот он увидел совсем в конце ряда, в углу,

сидевшую женщину, которая тоже продавала гусей, но не расхваливала своего товара, как остальные, и не зазывала покупателей. Он подошел к ней и стал мерить и взвешивать ее гусей. Они были такими, каких он желал, и он купил трех гусей вместе с клеткой, взвалил их на свои широкие плечи и пошел в обратный путь. Ему показалось странным, что только двое из этих гусей гоготали и кричали, как обыкновенно делают настоящие гуси, а третья гусыня сидела совсем тихо, углубившись в себя, и стонала, как человек. «Она больна, — сказал Нос про себя, — мне надо поспешить заколоть ее и приготовить». Но гусыня отвечала совершенно ясно и громко:

Станешь колоть ты
меня, — укушу я тебя.

Если шею мне
свернешь, — рано в
могилу сойдешь.

Совершенно перепуганный карлик Нос поставил свою клетку на землю, а гусыня посмотрела на него прекрасными, умными глазами и вздохнула.

— Тьфу, пропасть! — воскликнул Нос. — Ты умеешь говорить, гусыня? Этого я не предполагал. Ну, только не бойся! Мы умеем жить и не посягнем

на такую редкую птицу. Но я готов держать пари, что ты не всегда была в этих перьях. Ведь я сам был когда-то мерзкой белкой.

— Ты прав, — отвечала гусыня, — говоря, что я родилась не в этой позорной оболочке. Ах, у моей колыбели мне не пели, что Мими, дочери великого Веттербока, суждено быть убитой на кухне герцога!

— Будь же спокойна, дорогая Мими, — утешал ее карлик. — Клянусь своей честью и честью помощника смотрителя кухни его светлости, что никто не свернет тебе шеи. Я отведу тебе помещение в своих собственных комнатах, ты будешь иметь достаточно корма, а свое свободное время я буду посвящать беседе с тобой. Остальной кухонной прислуге я скажу, что откармливаю гуся для герцога разными особенными травами, а как только представится удобный случай — выпущу тебя на свободу.

Гусыня со слезами поблагодарила его, а карлик сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, а для Мими устроил особое помещение, под предлогом приготовить ее для герцога совершенно особенно. Он даже давал ей не обыкновенный гусиный корм, а доставлял печенье и сладкие блюда. Всякий раз как у него было свободное время, он ходил беседовать с ней и утешать ее. Они также рассказали друг другу истории своей жизни, и таким образом Нос узнал,